
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

В. Ц. ГОЛОВАЧЁВ, В. П. САМОХВАЛОВ

ПАТОГРАФИЯ ТОБА ГУЯ (371–409), ОСНОВАТЕЛЯ ПЕРВОЙ «ЗАВОЕВАТЕЛЬНОЙ ДИНАСТИИ» В КИТАЕ: ТРАНСВРЕМЕННОЙ «ДИАГНОЗ» И ПРОБЛЕМА ДЕВИАНТНОСТИ ПРАВИТЕЛЕЙ (СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Используя записи династийной истории «Вэй шу», авторы дают психоаналитическое описание жизни и личности Тоба Гуя (371–409), знаменитого основателя сяньбийского государства Северное Вэй (386–534) и первой правящей «завоевательной династии» в Китае. Уникальный отрывок из «Вэй шу» с описанием тяжелых проявлений болезни Тоба Гуя в последние месяцы и дни его жизни вкупе с другими историческим сведениями позволяет дать системную клиническую интерпретацию симптомов и прочих признаков нараставшего душевного расстройства, а также попытаться установить «трансвременной диагноз» заболевания. В работе использованы методы исторической психологии и психиатрии, в частности патогrafический метод, связанный с логико-аналитической реконструкцией психопатологии конкретного индивидуума в историческом прошлом. Авторы указывают на относительность предложенного ими экспериментального «диагноза» и исходят из того, что психическое расстройство Тоба Гуя невозможно понять вне исторического контекста, морали, этики и особого мышления, свойственных для людей данной эпохи и данной социальной среды. В сравнительном плане динамика и траектории девиантных отклонений Тоба Гуя обнаруживают общие черты с девиантностью ряда знаменитых правителей других государств и народов, в частности Ивана Грозного.

*Историческая психология и социология истории 1/2021 12–28
DOI: 10.30884/ipsi/2021.01.02*

Ключевые слова: *Северное Вэй, Китай, сяньби, Тоба, Тоба Гуй, девиантность, диагноз, историческая психиатрия, патография, Иван Грозный.*

Если история, как утверждал М. Блок, есть «наука о людях во времени», то исторический процесс (историогенез) неотделим от психических процессов, как нормальных, так и аномальных. Такие процессы изучает не только классическая история, но также историческая психология и историческая психиатрия. Иными словами, история наполнена психиатрией, поскольку многие существенные движения в ней совершены людьми не только неординарными, но и часто психически больными. Однако если анализируется поведение подобных людей, нормативное или патологическое в прошлом, необходимо погружение в это прошлое с его символической, экономической и культуральной атрибутикой. Без такого погружения все аналогии патологического поведения с современным поведением будут искусственными и сомнительными.

Текст как источник сведений о прошлом и повод к своеобразной археологии сознания всякий раз возвращает нас к патографическому методу как способу понимания индивидуального психического состояния на основании косвенных данных, воплощенных в собственно бытописании персонажа, его окружения и современной персонажу, но часто крайне далекой от нас культуры.

Термин «патография» введен К. Ясперсом как метод «психопатологической биографики» и фактического описания истории болезни с привлечением данных творчества пациента (Ясперс 1997). В энциклопедических словарях патографией часто считается лишь анализ литературных произведений с целью оценки личности автора (больного). Однако если речь идет о политическом лидере, художнике и музыканте, то анализ следует расширить на все сферы его деятельности, на все поступки, на косвенные свидетельства о нем, зафиксированные в самых разных исторических источниках.

За последние сто с лишним лет психиатрия обогатилась многочисленными описаниями историй болезни писателей, художников, политических лидеров. Однако неясно, возможен ли некий научный метод при описании патографическим методом, или все сводится только к литературной конструкции, которая лишь сопоставляется с современной классификацией психических расстройств.

В любом случае патографический метод – это не только перечисление аномальных акций замечательных личностей в прошлом, но и попытка погружения в прошлое сознание, по артефактам которого удается понять, почему было реализовано это, а не иное по-

ведение. Следовательно, вся суть изысканий исторической психиатрии состоит лишь в устремлении к теоретической археологии¹, которая столетиями занимается реконструкцией общей картины по «обломкам цивилизации».

Описание собственно клинического случая должно происходить параллельно описаниям культурно-исторической среды данного этноса и в данное время. С другой стороны, следует сопоставить аналогичные процессы и случаи поведения в иных отдаленных этносах. Но сложность состоит в том, что скорость течения культурно-исторического времени различается в разных этносах. Это видно и на примере Китая, где в рассматриваемый нами период Северных и Южных династий (III–VI вв.) на Юге сменилось пять династий, последовательно существовавших 60–24–56–33–33 года, а на Севере – также пять династий, существовавших соответственно 149–23–17–28–25 лет (Ошанин 1983: 144–146). Династические смены часто приводили к радикальным изменениям в политике, военном искусстве, отношении к разным этносам, культурам и религиозным движениям. Отсюда, если история есть также история поведения человека, то последнее, вероятно, по-разному менялось даже в пределах одной распавшейся на части страны (Самохвалов 2006).

Поскольку поводом для данной статьи служит личность создателя государства Северное Вэй – 北魏 (386–534) по имени Тоба Гуй – 拓跋珪 (371–409, правил в 386–409 гг.), описываемое в династийной истории «Вэй шу» психическое расстройство этого императора в последние месяцы и дни его жизни следует изучать и оценивать лишь в русле исторического контекста и особого мышления, присущих для данной эпохи и экологии. Какими же были этот контекст, мышление и социокультурная экология?

В III–VI вв. н. э. Китай переживал эпоху глубокой раздробленности, которую историки традиционно именуют «смутным временем». С IV в. на севере Китая усилилась родственная хунну (гуннам) кочевая народность сяньби, вожди которой основали как ми-

---

¹ В теоретической археологии признается, что артефакт, то есть материальная находка, должна быть связана с окружением, то есть экофактами. Дальнейшая работа с артефактом выражается в дискурсивных комментариях, описании, процессе идентификации, которые приводят к поискам новых артефактов. Структура толкования очень сходна с таковой в теоретической лингвистике и возвращает нас к методам герменевтики как искусства толкования и понимания конкретного факта (Гарден 1983; Самохвалов 2002).

нимум восемь самостоятельных царств. Волей судьбы все эти царства были объединены Тоба Гуем, который создал государство Северное Вэй (386–534) и положил начало почти полуторавековому правлению первой в истории Китая иноземной «завоевательной династии» Тоба (Головачев 2019).

Несмотря на все военные и политические успехи, судьба самого Тоба Гуя складывалась драматично, что, безусловно, глубоко повлияло на его личность, характер и психику. По воле обстоятельств еще младенцем он оказался в самом центре политических интриг, связанных с борьбой за власть. В 376 г., после почти одновременного убийства мятежниками деда-правителя и трех дядей, пятилетний Тоба Гуй остался легитимным наследником престола первой очереди, но был вынужден бежать в соседнее царство Цинь. Правитель Цинь по имени Фу Цзянь приютил мальчика и его мать из рода Хэлань, установив контроль над делами рода Тоба. Лишь малолетство Тоба Гуя помешало его немедленному приведению к власти.

Почти десять лет Тоба Гуй укрывался с матерью у Лю Кужэня, чей род принадлежал к народности хунну и был давним реципиентом жен из рода Тоба. Но в 16 лет Гуй женился на девушке из рода Лю (будущей императрице), чем нарушил прежний порядок предписанных асимметричных браков, по которому тобийцам не следовало брать жен из этого «внешнего» рода. В итоге Тоба Гую пришлось снова бежать, теперь уже из рода Лю, где его обвинили в планах незаконной узурпации власти, и вернуться в материнский род Хэлань, который был давним донором жен для рода Тоба. В целом мать Тоба Гуя несколько раз спасала его в детстве и юности от гибели в борьбе за власть. Вероятно, многолетние скитания и смертельно опасные обстоятельства закалили характер, но в то же время сильно травмировали психику будущего императора.

В 386 г. Тоба Гуй, став взрослым, взял второй женой свою тетку по материнской линии и возглавил союз Хэлань – Тоба (исконно в этом традиционном брачном союзе доминировал консортный род Хэлань), после чего приступил к долгому и трудному объединению других соседних родов, племен и народностей под властью царства Дай. Завершив объединение к концу IV в., он начал войну за завоевание Китая, в 398 г. принял титул императора и дал государству новое название Вэй (魏), позднее превратившееся в Северное Вэй (北魏).

К концу жизни (к 39 годам) связанные с борьбой за власть испытания сильно подорвали душевное и физическое здоровье Тоба Гуя. Политические амбиции и обострившийся психический кризис привели к резкому обострению конфликта с ближайшей родней и придворными. В результате Тоба Гуй был просто убит, пав от руки одного из своих сыновей. После того как зимой 409 г. Гуй решил казнить свою жену из главного консортного рода Хэлань, их общий сын Тоба Шао был вынужден устроить молниеносный переворот. Внезапное отцеубийство, совершенное Тоба Шао ради спасения матери, нашло довольно широкую поддержку внутри дворца. Когда Тоба Гуй был разбужен в своем дворце ночным вторжением, его личные лук и кинжал оказались похищенными. Убийство свершилось, но сам заговор провалился. Через несколько дней в столицу вернулся Тоба Сы, старший сын от первой жены из рода Лю, который вступил на престол и казнил за убийство отца не только своего брата Тоба Шао и госпожу Хэлань, но также солдат, евнухов и несколько десятков других придворных (Вэй Шоу 1974: 390; Головачев 2002; Holmgren 1981–1983: 61).

Вероятно, смерть Тоба Гуя во многом предопределило и ускорило его острое психическое заболевание, обернувшееся гибелью многих придворных, а также угрозой подрыва исконных общественных порядков и даже развалом государства. Так или иначе, благодаря подробным записям историографов и составителей официальной династийной «Истории Вэй» (*Вэй шу*, 魏書), сегодня мы имеем уникальную возможность для любопытного научного эксперимента – попытки поставить врачебный диагноз первому иноземному правителю Китая. Диагноз, запоздавший по времени на 1600 с лишним лет.

Для начала приведем полный текст ключевого отрывка из раздела «Анналы Тайцзу» (ч. 2) в «Вэй шу»:

Летом, в 6-й год [эры правления Тянь-Цы (天賜) – 409 г. н. э.], император занемог. Поначалу император принимал укрепляющие порошки. Но после смерти «тай и лина» (главного лекаря) Инь Цяна запасы лекарства расходовались и наступил момент, когда [они] совсем перевелись.

Тем временем бедственные перемены стали все более заметны, [император] пребывал в тоске и беспокойстве. То по несколько дней не ел, то не спал до рассвета. Перекладывал вину [за это] на приближенных. Постоянно переходил от радости к гневу, говорил, что никому из приближенных чиновников нельзя доверять. Размышлял, исходя из [астроно-

мических] гаданий по «небесным знакам», могут ли случиться неприятности от ближайшей родни. Предавался воспоминаниям и мыслям о победах и поражениях, приобретениях и утратах с самого давнего прошлого. День и ночь напролет непрестанно беседовал сам с собой, словно рядом находился нечистый дух, отвечавший [ему] вслух. Когда перед ним представляли придворные сановники, [если] доискивался до их старых зол, [то] всех предавал убиению. Про остальных же, либо оттого, что цвет лица переменился, либо оттого, что неровное дыхание, либо оттого, что походка неверна, либо из-за оговорок в речах, император думал, что все вынашивают в сердце зло, изменнически глядят на сторону. И тогда собственноручно подвергал избиению, а умерших выставлял перед Залом Небесного Спокойствия. Поэтому чувства каждого при дворе и в народе были переполнены тайным страхом.

Власти проявляли нерадивость, взаимно не контролировали [дела] управления, ремесленники занимались воровством, грабители и разбойники бродили повсюду. Люди в поселениях питали мало надежд. Услышав об этом, император сказал: «С Нашего дозволения, пусть будет как есть. Переждем годы бедствий, покуда [не] восстановится еще больший порядок, только и всего»... Зимой, в 5-й день 10-го месяца, император «рухнул» (умер. – *Авт.*) в Зале Небесного Спокойствия, в возрасте 39 лет (Вэй Шоу 1974: 44).

Далее представим картину психического расстройства Тоба Гуя путем установления отдельных симптомов (Табл.), их сводной клинической интерпретации и постановки диагноза с последующей оценкой его корректности и степени достоверности.

Табл. Клиническая интерпретация психического расстройства Тоба Гуя

«Анналы Тайцзу» (ч. 2), «Вэй шу»	Клиническая интерпретация
1	2
<p>Летом, в 6-й год [409], император занемог. Поначалу император принимал укрепляющие порошки.</p> <p>Но после смерти «тай и лина» [главного лекаря] Инь Цяна запасы лекарств расходовались и наступил момент, когда [они] совсем перевелись.</p>	<p>Астения, прием стимуляторов.</p> <p>Указание на синдром зависимости (в том числе лекарственной).</p>

1	2
<p>Тем временем бедственные перемены стали все более заметны, [император] пребывал в тоске и беспокойстве. То по нескольку дней не ел, то не спал до рассвета.</p> <p>Перекладывал вину [за это] на приближенных.</p> <p>Постоянно переходил от радости к гневу, говорил, что никому из приближенных чиновников нельзя доверять.</p> <p>Размышлял, исходя из [астрономических] гаданий по «небесным знакам», могут ли случиться неприятности от ближайшей родни. Предавался воспоминаниям и мыслям о победах и поражениях, приобретениях и утратах с самого давнего прошлого.</p> <p>День и ночь напролет непрестанно беседовал сам с собой, словно рядом находился нечистый дух, отвечавший [ему] вслух.</p> <p>Когда перед ним представляли придворные сановники, [если] доискивался до их старых зол, [то] всех предавал убиению. Про остальных же, либо оттого, что цвет лица переменился, либо оттого, что неровное дыхание, либо оттого, что походка неверна, либо из-за оговорок в речах, император думал, что все вынашивают в сердце зло, изменнически глядят на сторону.</p>	<p>Развитие депрессии с симптомами тревоги (тоска, беспокойство, отсутствие аппетита, бессонница и пр.).</p> <p>Депрессивно-параноидные симптомы.</p> <p>Гневливая мания, аффективные колебания.</p> <p>Аффективно-бредовые синдромы. Бредовая интерпретация и формирование фабулы бреда.</p> <p>Косвенные признаки истинных слуховых галлюцинаций, возможно псевдогаллюцинирование и бред воздействия.</p> <p>Бред отношения, значения, преследования. Убийства по бредовым мотивам.</p>

1	2
<p>И тогда собственноручно подвергал избиению, а умерших выставлял перед Залом Небесного Покоя.</p> <p>Поэтому чувства каждого при дворе и в народе были переполнены тайным страхом. Власти проявляли нерадивость, взаимно не контролировали [дела] управления, ремесленники занимались воровством, грабители и разбойники бродили повсюду. Люди в поселениях питали мало надежд.</p> <p>Услышав об этом, император сказал: «С Нашего дозволения, пусть будет как есть. Переждем годы бедствий, покуда [не] восстановится еще больший порядок, только и всего»...</p> <p>Зимой, в 5-й день 10-го месяца, император [Тай цзу] «рухнул» [умер]</p>	<p>Некрофилия.</p> <p>Развитие массовой социальной аномии.</p> <p>Бредовая интерпретация массовой социальной аномии</p>

Установив выше отдельные симптомы, факты и обстоятельства течения болезни, обратимся теперь к их сводной клинической интерпретации.

Начало «недуга» Тоба Гуя относится к лету 409 г. Вероятно, оно указано в хрониках с некоторым опозданием, когда болезнь стала уже настолько явной («все более заметной») для окружающих, что ее пришлось зафиксировать документально. Ход болезни был сопряжен с глубокой лекарственной зависимостью и, видимо, отчасти спровоцирован и усугублен ею. В следующие 4–5 месяцев заболевание постепенно обострялось, сопровождаясь физической, психической и моральной деградацией. Несмотря на болезнь, некоторые важнейшие поступки Тоба Гуя были все же вполне последовательны и рациональны (см. ниже про попытку изменить порядок наследования), поэтому теоретически допустимо, что известия

о болезни Гуя могли быть сфабрикованы его недоброжелателями. С другой стороны, описанные в «Анналах» симптомы болезни слишком многочисленны, разноплановы и комплексны, а также слишком детальны, точны и типичны, чтобы быть выдумкой придворных летописцев. Даже если бы последние и выполняли политический заказ противников Тоба Гуя (скажем, чтобы обосновать и оправдать его убийство), они могли бы сделать это с помощью лишь двух-трех шаблонных обвинений (например, погряз в пороках, забросил дела правления), без необходимости фиксации сложной истории болезни.

Как бы то ни было, они все же подробно описали картину болезни Тоба Гуя, что дает основания и возможность поставить вероятный диагноз: ***шизоаффективное расстройство, смешанный тип.***

Шизоаффективное расстройство иногда считается особой формой шизофрении с периодическим течением и сочетанием симптомов, типичных для шизофрении (бред и галлюцинации), с расстройствами настроения (аффективными расстройствами, включающими маниакальные и/или депрессивные эпизоды). Особенностью расстройства является то, что симптомам шизофрении в остром психозе предшествуют аффективные расстройства, которые являются фоном нарушений восприятия и мышления. Возможны три варианта болезни: 1) с депрессивно-параноидными приступами; 2) с маниакально- или экспансивно-параноидными эпизодами; 3) смешанные состояния, при которых иногда экспансия очень быстро сменяется тревогой или депрессией. Соответственно меняется и содержание бреда или его сочетаний с галлюцинациями.

Следует подчеркнуть, что указанный диагноз относительно по ряду существенных причин. Если в терапии и других медицинских специальностях царит прагматическая однозначность, а многозначность мешает, то для психиатрии более применим принцип герменевтики, подразумевающий эклектичность и признание всех без исключения мнений. Если имеется какой-то отдельный элемент или какая-то парадоксальная точка зрения, выпадающие из культурно-исторического фона, если есть лишь один диагноз, – это спорно и должно исследоваться с учетом принципов и методов герменевтики.

Например, является ли поведение конкретного человека психотичным, если таково время, нравы, быт, если общество охватила разруха и утрата ориентиров? Является ли социальная аномия² причиной девиантного поведения лидера, или же сама аномия у масс – результат безумия лидера, который утрачивает цель и ориентиры либо маниакально абсолютизирует их благодаря болезни?

К. Ясперс в «Духовной ситуации времени» (Ясперс 2007) приводит отрывок из египетского папируса, описывающего некие социальные события в Египте, произошедшие 4000 лет назад. Эти события весьма напоминают сюжеты современных апокалиптических и постапокалиптических фильмов и романов.

«Списки отняты, писцы уничтожены, каждый может брать зерна, сколько захочет... Подданных больше нет... страна вращается, как гончарный круг: высокие сановники голодают, а горожане вынуждены сидеть у мельницы, знатные дамы ходят в лохмотьях, они голодают и не смеют говорить... Рабыням дозволено разглагольствовать, в стране грабежи и убийства... Никто больше не решается возделывать поля льна, с которых снят урожай; нет больше зерна, голодные люди крадут корм у свиней. Никто не стремится больше к чистоте, никто больше не смеется, детям надоело жить. Людей становится все меньше, рождаемость сокращается, и остается лишь желание, чтобы все это скорее кончилось. Нет ни одного должностного лица на месте, и страну грабят несколько безрассудных людей царства. Начинается эра господства черни, она возвышается над всем и радуется этому по-своему. Эти люди носят тончайшие льняные одежды и умащают свою плешь мирром... Своему богу, которым они раньше не интересовались, они теперь курят фимиам, правда, фимиам другого. В то время как те, кто не имел ничего, стали богаты, прежние богатые люди лежат беззащитными на ветру, не имея постели. Даже сановники старого государства вынуждены в своем несчастье лстить поднявшимся выскочкам» (Там же: 7).

Со времен Э. Дюркгейма и Г. Лебона считалось, что виновны в аномии лидеры, но существует и иная точка зрения, согласно кото-

---

² Аномия – беззаконие, отсутствие норм. Философско-социологическое понятие, выражающее состояние общества, при котором отсутствие или неустойчивость социальных и моральных императивов и правил, регулирующих отношения между индивидами и обществом, приводит к тому, что значительная часть населения оказывается «вне» общества, вступает в конфронтацию с его нормативными предписаниями.

рой именно волна индуцированной аномальности выносит лидера, как щепку, на свой гребень. В свое время он был естественно порожден самим обществом, а сегодня, теперь он кажется нам больным. Бред вчера может быть нормой сегодня, и наоборот. Именно поэтому герменевты погружаются во все доступные детали, документы и даже косвенные данные. Таблицы с пошаговой вневременной диагностикой, подобные предложенной выше, эффективны и значимы скорее для соматологов (хирургов и терапевтов), ведь от Гиппократов до наших дней кашель – это кашель, а зуд – это зуд. Что касается психиатров, то для них даже тревога сегодня – это не тревога десять лет назад, а слабоумие сегодня раньше считалось мудростью. Вечным с гиппократовских времен остался лишь эпилептический припадок. Иными словами, наш ретроспективный «трансвременной диагноз» – это всего лишь сегодняшней взгляд на прошлое. Этот взгляд не может быть однозначным, как судебный приговор, и не может быть сведен к одной точке (средоточию) в системе современных медицинских знаний или морально-этических норм и критериев.

Еще раз обратим внимание на то, что придворное окружение покорно терпело усугублявшееся «шизоаффективное» расстройство Тоба Гуя как минимум 4–5 месяцев (с 6-го по 10-й лунный месяц), пока оно было обращено против отдельных людей и не угрожало традиционной родоплеменной и политической системе сяньбийцев в целом. Но как только Тоба Гуй создал конкретную угрозу мгновенного обрушения всей системы и замены ее на китайскую, защищавшая старую систему правящая сяньбийская знать (роды Тоба, Хэлань и пр.) столь же мгновенно отбросила верно-подданническую толерантность и физически уничтожила своего лидера.

Как уже говорилось, после 386 г. сяньбийские кочевники постепенно покорили весь север Китая и тем самым запустили процесс сложнейшего этнического, культурного и цивилизационного синтеза. Очень многое в обычаях и культуре Северного Вэй можно интерпретировать как попытку соединения и противопоставления китайского и «варварского», формирования на этой основе особой этнополитической и этнокультурной общности.

Стихийное этнокультурное сближение, ускоренное целенаправленными форсированными мерами основателя Северного Вэй, выявило значительное расхождение и релятивизм традиционных базовых норм и ценностей кочевников и китайцев. Казавшиеся

незыблемыми исконные моральные устои внезапно отступали на второй план, девальвировались или вовсе упразднялись. На смену им приходила новая китайская либо китаизированная система норм и ценностей, чуждая и во многом неприемлемая для многих сяньбийцев. Шкала ценностей, по которой подданные могли оценивать поступки своего правителя, стала размытой.

Как известно, принципиальным для оценки поведенческой гетеро- и аутоагрессии личности является наличие или отсутствие общественных санкций на определенной стадии развития культуры. При наличии разрешительных санкций такие действия могут считаться нормативными. В противном случае они воспринимаются как патологические. Так, в одном случае обрезания, вплоть до оскпления, считаются нормативными для конкретной религиозной группы (Панченко 2004), а в другом самоповреждение служит отчетливым симптомом патологии, ассоциированной с шизофренией, отягощенной эпилепсией и алкоголизмом (Двирский 2004). Древний обычай матрисуицида (умерщвления матери наследника престола) был санкционированной нормой в обществе сяньбийцев и ряда других народов Евразии, но представал полным безумием и моральным падением в глазах китайцев (Головачев 2010; 2019; Golovachev 2002).

Поэтому, обращаясь к методу патографии, ни историки, ни психиатры не должны поддаваться соблазну вынесения однозначных оценок историческим деятелям. Подтверждением этого, помимо Тоба Гуя, служат судьбы других правителей разных государств и народов, известных своей девиантностью.

В свое время, характеризуя личность Ивана Грозного (типологически близкую к личности Тоба Гуя), В. О. Ключевский очень точно отмечал: «Свойства царя Ивана, сами по себе, могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра... ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимобольных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение, гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская: Иван был *царь*. Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное,

влияние на его политический образ действий...» (Ключевский б. г.).

Поразительное сходство Тоба Гуя и Ивана Грозного отчасти объяснимо сходством личных жизненных обстоятельств – ранняя смерть одного или обоих родителей, трудное детство и взросление в чужом и враждебном окружении, долгая и трудная, смертельно опасная борьба за внешнее и внутривластное самоутверждение в роли верховного правителя. Эти обстоятельства во многом предопределили близость нездорового психического склада обоих правителей (мнительность, подозрительность, раздражительность, резкие перепады настроения, неконтролируемые вспышки гнева и агрессии, неоправданная исключительная жестокость). То же самое касается и их судеб: позитивная девиация на раннем этапе борьбы за установление власти, а затем кризис и переход к негативной девиации на стадии удержания власти. В самом деле, если Тоба Гуй развлекал себя под конец жизни алкоголем, «укрепляющими порошками» и массовыми казнями, то Иван Грозный тоже не чуждался в годы опричнины похожих искусственных средств самовозбуждения. Очень показателен в этом плане инцидент, когда Грозный велел изрубить присланного в подарок из Персии слона, не захотевшего встать перед ним на колени.

Подобно Тоба Гую, Иван Грозный был во многом «чужим среди своих», то есть девиантом и маргиналом, пытавшимся синтезировать традиционные и новые ценности в тот критический период, когда Россия, всего за 60–70 лет до этого сбросившая монгольское иго, еще пребывала в поиске путей политического и духовно-нравственного самоутверждения. Как писал В. О. Ключевский, «дело заключалось в исторически сложившемся противоречии, в несогласии правительственного положения и политического настроения боярства с характером власти и политическим самосознанием московского государя. Этот вопрос был неразрешим для московских людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противоречие средствами благоразумной политики. А Иван хотел разом разрубить вопрос, обострив самое противоречие». В итоге, заключает Ключевский, «превратив политический вопрос о порядке в ожесточенную вражду с лицами, в бесцельную и неразборчивую резню, он своей опричниной внес в общество страшную смуту, а сыноубийством подготовил гибель своей династии. Между тем успешно начатые внешние предприятия и внутренние реформы расстроились, были

брошены недоконченными, по вине неосторожно обостренной внутренней вражды... успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана – одно из прекраснейших по началу – по конечным его результатам, наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше коего эти враги сидели» (Ключевский б. г.).

Ввиду обилия сходных примеров в мировой истории подобные коллизии маргинального общества и маргинальных правителей, пожалуй, допустимо признать некоей закономерностью. Поведение августейших «девиантов» поначалу имеет позитивный характер, но позднее отклоняется в сторону негативной дезорганизации и разложения индивида в результате нарастающего отвержения базовых норм и ценностей сначала родной, а потом и заимствованной (завоеванной) культуры.

Галлюцинаторно-параноидный психоз у императора Тоба Гуя является критическим эпизодом на его пути к объединению родов и народов и совпадает с ключевым моментом – назначением конкретного преемника созданной им династии, согласно китайскому принципу примогенитуры (от отца к сыну и т. д.), в нарушение предписанного исконными сяньбийскими обычаями лестничного наследования (к старшему члену рода: от старшего брата к младшему либо от дяди к племяннику). «Безумное» поведение Тоба Гуя имело, таким образом, вполне разумные исходные мотивы. При этом если убийство матери наследника казалось безумием для китайцев, то передача власти от отца к несовершеннолетнему сыну или внуку воспринималась многими сяньбийцами как безумно рискованный и неприемлемый поступок.

С социокультурной точки зрения мы имеем дело с очевидным нарушением хода социализации личности и ее затяжным пребыванием в зоне конфликта между противоречивыми нормами одной или нескольких разнородных культур. Противоречивость существующих норм, неопределенность и слабость внешнего сдерживающего контроля (вспомним, что придворные Тоба Гуя долго мирились с тем, что он убивал многих из них) затрудняют выбор ли-

нии индивидуального поведения, что и приводит, по Э. Дюркгейму, к «аномии общества» (состоянию отсутствия норм), при которой личность не имеет уверенности в выборе нормативного поведения (Кончанин и др. 2001: 395–397).

Разрыв между целевыми установками общества (или олицетворяющего его правителя) и социально одобряемыми средствами их достижения как раз и приводит к девиации, нередко в конкретных формах инновации или бунта. Согласно классическим схемам, девиация начинается с фрустрации, возникновения социального напряжения, невозможности для индивида реализовать поставленную цель. Данное напряжение может проявляться как агрессия, озлобленность, которая направлена на других или на самого себя. Если человек долго не выходит из этого состояния, то формируется болезненный невроз – итог столкновения желаний человека с реальностью, которая его не удовлетворяет. Тогда предпринимаются попытки достичь своих целей другими, ненормативными путями. Иногда индивиды идут ради достижения своих целей на прямую конфронтацию, и тогда уже формируется конфликтная девиация (Там же: 397–398). Ситуация усугубляется в том случае, если личность имеет трудноконтролируемый (или неконтролируемый) статус высшего лидера, как в случае с Тоба Гум и Иваном Грозным.

Будучи людьми с предельно подвижной психикой и уникальным статусом, лишенные в условиях переходного общества опоры на освященные обычаи нормы и ориентиры, правители-маргиналы не выдерживают напряжения поиска, дезориентируются и в итоге срываются в пропасть деструктивной, конфликтной девиации. Разбалансировка или отсутствие адекватных механизмов социальных сдержек и контроля лишь усугубляет их положение, стимулирует дисфункциональное поведение и приводит к окончательному психическому саморазрушению, за которым может следовать физическое разрушение ближнего окружения, общества и всех плодов своей деятельности в целом.

Но тогда возникает логичный вопрос: почему поведенческие фенотипы, аналогичные Тоба Гую или Ивану Грозному, продолжают воспроизводиться и не подвергаются воздействию отбора? Почему воспроизводятся фенотипы Нерона, Гитлера, других великих и жестоких диктаторов, с одной стороны, а с другой – отмеченных печатью суицидальности гениев, таких как Ван Гог? Этот вопрос близок к другому: почему продолжается одна и та же часто-

та «больших» психозов и их интерференций (шизоэпилепсия, аффект-эпилепсия, шизоаффективные расстройства)?

Пока на этот вопрос можно ответить только с глобальных позиций социобиологии. Существует система «платы-выигрыша», которая регулирует соотношение генотипов. И, вероятно, некоторые негативные фенотипы имеют селективные преимущества, за которые, однако, следует генетическая плата. Словом, Ван Гог стал великим потому, что заплатил за величие своими страданиями. Печально знаменитый царь персов Камбис (правил в 529–522 гг. до н. э.) успешно покорил и ассимилировал Египет и его культуры, но затем проявил себя как великий безумец и дискредитировал на многие века персидскую стилистику имперского правления, чем подготовил через почти 200 лет завоевание Персии Александром Македонским (Самохвалов 2006). Мучения Грозного, лично описанные им в духовной грамоте («Тело изнемогло, болзнет дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня, ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих я не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь»), а также пресечение династии Рюриков стали платой за обретение впоследствии самодержавной власти в России.

Хотя первый северовэйский император Тоба Гуй фактически не оставил выбора своим убийцам, поплатился жизнью и не успел реализовать мечту о покорении всего Китая, его старший сын все же вззошел на престол (вопреки древним сяньбийским традициям), его внук покорил северный Китай, а примерно через 170 лет Китай был объединен под властью империй Суй (Суй, 581–618) и Тан (Тан, 618–907). Очевидно, это случилось отчасти потому, что Тоба Гуй отдал все, включая психическое здоровье, для консолидации Северного Вэй как одного из будущих центров кристаллизации единого китайского государства.

Литература

Вэй Шоу. 1974. История династии Вэй (Вэй шу). Т. 1. Пекин: 魏收. 魏書

Гарден, Ж. К. 1983. *Теоретическая археология*. М.: Прогресс.

Головачев, В. Ц.

2002. Проблемы престолонаследия в сяньбийском обществе 4 в. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. *Востоковедение* 3: 3–22.

2010. Матрисуицид у сяньбийцев: древний обычай или «изобретенная традиция»? *Общество и государство в Китае: материалы XL научной конференции*. М.: ИВ РАН, с. 59–70.

2019. «Завоевательная династия» Северная Вэй. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н. (отв. ред.), *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики*. Гл. 9. М.: Наука, Вост. лит-ра, с. 143–165.

2019. «Забытый» обычай матереубийства: материалы евразийского фольклора и письменной истории. В: Попов, В. А. (сост. и отв. ред.), *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. Вып. 17. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», с. 22–44.

Двирский, А. А. 2004. Синдром Камбиса – Ван Гога как проявление жестоких гетеро- и аутоагрессивных действий и клинических особенностей шизофрении со скрытой и проявившейся эпилепсией, коморбидной с алкоголизмом. Т. 12. *Український вісник психоневрології* 2(39): 67–70.

Кончанин, Т. Л., Подопригора, С. Я., Яременко, С. Н. 2001. *Социология*. Ростов н/Д.

Ключевский, В. О. Б. г. Характеристика царя Ивана Грозного. URL: <http://vlastitel.com.ru/ivgroz/kluch.htm>.

Ошанин, И. М. 1983. *Большой китайско-русский словарь*. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ.

Панченко, А. 2004. *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект*. М.: ОГИ.

Самохвалов, В. П.

2002. Психиатрическая герменевтика: обоснование направления. *Таврический журнал психиатрии (Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychotherapeutica et Ethologica Tavrca)* 6(3): 4–11.

2006. Патографический метод в психиатрии и археология сознания. *Таврический журнал психиатрии (Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychotherapeutica et Ethologica Tavrca)*: 93–97.

Ясперс, К.

1997. *Общая психопатология*. М.: Практика.

2007. Духовная ситуация времени. В: Ясперс, К., Бодрийяр, Ж., *Призрак толпы*. М.: Алгоритм.

Golovachev, V. S. 2002. Matricide among the Tuoba-Xianbei and its Transformation during the Northern Wei. *Early Medieval China* 8: 1–41.

Holmgren, J. 1981–1983. Women and Political Power in the Traditional T'o-pa Elite: a Preliminary Study of the Biographies of Empresses in the "Wei Shu". *Monumenta Serica* 35: 33–74.